

Михаил
ЖВАНЕЦКИЙ.

Конечно, лучше не давать интервью. Что я добавлю к своему образу? Ничего — меня уже и так знают. Разве я сейчас смогу так художественно ответить, как смогу потом написать?

«Я ДЕРЖУСЬ ТОЛЬКО НА ЛЮБВИ»

Михаил Михайлович ЖВАНЕЦКИЙ Писатель-сатирик

Родился 6 марта 1934 года в Одессе в семье врачей. Окончил Одесский институт инженеров морского флота. В студенческие годы участвовал в самодеятельности, где и начал писать миниатюры и монологи, часто сам их исполнял. Работал сменным механиком одесского порта. Одновременно писал эстрадные программы для студенческого театра «Парнас-2». В 1964 году Аркадий Райкин пригласил Жванецкого в Ленинградский театр миниатюр на должность завлита. Тогда и сложилось творческое содружество Михаила Жванецкого, Романа Карцева и Виктора Ильченко, в эти же годы и сам Жванецкий становится популярным исполнителем своих произведений. В 1978 году был принят в Союз писателей. В 1983 году переезжает из Ленинграда в Москву, в 1988 году создает Московский театр миниатюр, художественным руководителем которого и является в настоящее время.

В 1982 году вышла первая книга «Встречи на улицах».

В 2001 году был опубликован четырехтомник «Собрание произведений», по традиции иллюстрировал это издание Резо Габриадзе.

Много гастролирует по России, ближнему и дальнему зарубежью.

Лауреат независимой премии «Триумф» 1994 года.

В том же году награжден орденом Дружбы народов и стал Почетным гражданином Одессы и президентом Всемирного клуба одесситов.

В 1999 году Михаилу Жванецкому присуждено звание «Народный артист Украины», в 2001 году звание «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации» и премия Президента РФ в области литературы и искусства.

Награжден высшей общественной наградой России — Золотым Почетным знаком «Общественное признание».

Женат, воспитывает сына.

Не секрет, что взять интервью у Жванецкого не так-то просто. Он не то чтобы отказывает, он, по его собственному выражению, «ускользает». А тут вдруг сам собирает пресс-конференцию, посвященную предстоящим концертам в ГЦКЗ «Россия». Понятно, что никого из приглашенных не пришлось уговаривать, все пришли задолго до назначенного часа. Когда Михаил Михайлович вошел, то, говоря его же словами: «...все встали. Что происходит с телом человеческим — неизвестно, но оно разгибается и поднимается». Затем раздались аплодисменты, хотя он еще ничего не сказал.

Однажды на одном своем творческом вечере Жванецкий спросил у зрителей: «Ну, как у вас настроение? — Хорошее! — Теперь, главное, чтоб вы мне его не испортили». Мы старались. А разговор получился следующий.

— За каждым великим мужчиной стоит великая женщина. А кто стоит за Вами?

— Ну, в моей жизни сейчас присутствует, действительно, очень-очень хорошая женщина. Не знаю, великая ли... Она для меня и ОТК, и первый помощник. И я ей за это благодарен. Это моя жена. Будем считать, что я как-то опять вскарабкался на волну. Уже нет времени и особых сил на то, чтобы завести кого-нибудь, кто имел бы такое же на меня влияние. Это просто было бы ужасно расточительно.

— На тещу это не распространяется?

— Нет, не распространяется. Теща живет очень да-

леко. Она этому рада, как и мы с женой. Наташа долго скрывала нашу связь, чтобы ее не обвиняли в том, что она сошлась со мной из меркантильных соображений. Хотя какие там соображения. Никакого большого материального благополучия у нее нет. Наверное, лучше, чем у многих, а в остальном... Она одна сидит с ребенком, а я разъезжаю. И в этом большого счастья нет. А наслаждение бывает, когда море, солнце, хорошее настроение и нет концертов. Именно тогда мы можем сказать друг другу что-то хорошее и важное. Это длится недолго, но именно это и держит. Думаю, она ко мне хорошо относится, понимает, что я нормальный человек. А я уж тем более ее ценю. Кроме того, что я заполучил красивую женщину, так еще и умную. Причем я вижу, что она скрывает свою красоту, одевается так, чтобы не привлекать внимания. Умно занимается домом, и я все акции домашнего хозяйства отдал ей.

— Вы репетируете перед выступлениями?

— Знаете, не репетирую. Мои концерты репетировать трудно. Я всегда рад, когда появляется возможность прочесть один и тот же монолог два-три раза. Приятно читать что-нибудь в первый раз, но лучше всегда выходят второе и третье выступления. Получается, что в том тексте, который я уже написал, всплывают какие-то новые смыслы. Вдруг понимаешь, что можно прочесть то, что до этого вычеркнул. От повторного исполнения текст только улучшается. Начинаешь как-то поактерски ощущать образ, его характер, манеру разговора, дыхания. Начинаешь в этом образе жить. Думаю, что когда программа обкатывается, она становится гораздо интереснее.

— Вы по-прежнему волнуетесь перед концертом?

— Я не выношу оскорблений. Это относится к моим диким недостаткам — не держу удара совершенно. Обидит кто-то или, не дай бог, что-то крикнет из зала, мне на год хватит переживаний, пока приду в себя. Я держусь только на любви.

— Не могли бы Вы более подробно рассказать о предстоящих концертах в ГЦКЗ «Россия»?

— Если бы Вы спросили у Льва Николаевича Толстого: «А что будет в Анне Карениной?» — что бы он мог вам ответить? В концерте будет очень много нового — я думаю, процентов на 70. Я оставил только смешные шлягеры, потому что смешное рождается редко, очень смешное — очень редко. Причем оно нарабатывается только исполнением. Смех можно вызвать написанием, а хохот — исполнением. Это уже зависит от актера, от его импровизации. По этой причине я и оставил очень смешные вещи. Я имею в виду насмешки над собой, над своими попытками создать серьезные произведения. Мне очень часто со всех сторон зудят: «Напиши что-нибудь серьезное». Поэтому в программу концерта и вошли отклики на сегодняшний день, на выборы, на методы наших споров, типа: «Пошел ты к такой-то матери», — и все, на этом дебаты закончены. С этой программой я выступал в Октябрьском зале в Санкт-Петербурге и в Киеве в зале «Украина». Принимали потрясающе. Дай бог, чтобы так принимали в Москве: аплодировали стоя, как в Большом театре, минут 10-12, хотя я и заканчиваю не смешно, на грустной ноте. Как показала практика, можно уже выходить на сцену и в Москве. Так что

С отцом —
Эммануилом
Моисеевичем и
мамой — Раисой
Яковлевной

Старые друзья:
Б. Мессерер,
М. Жванецкий
и Б. Ахмадулина

Знаменитая троица:
В. Ильченко,
Р. Карцев
и М. Жванецкий

приходите на концерт, сами все и услышите.

— **А как Вы к коллегам по цеху относитесь?**

— Может, у меня зрителя и меньше, чем, скажем, у Задорнова, зато он более продвинут. Вообще, братья-юмористы — настолько серьезные люди, что они хоть и именуются юмористами, но заняты совсем другим. Ведь самое страшное — это то, что человек, который говорит как бы от себя, выйдя на сцену, перевоплощается, становится другим. Но Окуджава, например, не становился другим. И Высоцкий не становился другим. Извините, я тоже не становлюсь другим, я такой в жизни, какой есть, просто я могу шутить на сцене, оставаясь самим собой. А с теми, кто перевоплощается, порой происходят катастрофические случаи.

— **Михаил Михайлович, не считаете ли Вы, что смешное должно быть строго дозировано? Многие из**

той публики, которая приходит на Жванецкого, ожидают от Вас всевозможных хохм, каких-то баек, но у Вас же есть вещи глубокие, философские...

— Конечно. Я, может быть, уже на этом потерял какую-то часть своей публики, которая перебежала к Задорнову или к Максиму Галкину. Мне приходится лавировать между публикой, жаждущей только смеяться, и той, которая хочет что-то услышать от меня серьезное. Я так и живу, лавируя между ними. Мне кажется, что юмора у нас уже достаточно. Взять, к примеру, Виктора Степановича Черномырдина — это великий человек, просто великий. Это кладезь, я бы даже сказал, скважина народного юмора, который через него бьет во все стороны фонтаном. Он и сам этого не осознает. Это настоящий, прекрасный, великий народный юмор, который кто-то должен ходить и записывать за ним.

Вот Геннадий Викторович Хазанов заявил, что жанр умер, а он расцвел просто буйным цветом на всех каналах: куда ни воткнешь — там шутят шеренгами, толпами, в одиночку, по два, по три, все время шутит огромное количество юмористов. И народ разрывается просто на куски от хохота, то есть на сцене всего много, как на рынке. Я считаю, что шутить бесконечно — так же глупо, как плакать навзрыд на глазах у публики. Это должно быть нормальное человеческое общение: где-то пошутили, где-то — нет. Пока вот Петербург и Киев меня поддержали. Посмотрим, как Москва отзовется.

— **Недавно по телевизору один из Ваших монологов прозвучал в исполнении Витаса. Вам не довелось это слышать?**

— Нет.

— **А как Вы вообще воспринимаете свои тексты в другом исполнении — ну, разумеется, не считая Романа Карцева? Есть ли какие-то возможности у других исполнителей доводить до совершенства Ваши тексты, хотя бы приблизительно приближаясь по уровню мастерства к Вам, или это нереально?**

— Я думаю, что все-таки лучше всего было бы, если бы это происходило у меня на глазах, на ушах, если бы я это видел и слышал. Тогда бы, может быть... Но с другой стороны, если это все издано, то каждый имеет право выучить и произносить эти тексты в каком-нибудь узком или широком кругу. Я ведь и сам рекомендую: читайте мной написанное вслух.

— **Кстати, а что бы Вы написали на собственной книге своему врагу?**

— «Тебе это не поможет».

— **А определить природу смеха можете?**

— Что такое юмор? Это спасение. А что такое слезы? Это жизнь. Поэтому

смех сквозь слезы — наше самое главное достижение за все годы существования. Фрейд пишет, что юмор дает чувство превосходства. Может, и так, но мне для этого надо пару капель спиртного. Я могу быть вот этим Жванецким, если выпью. Тогда могу зайти к дворнику и сказать: «А ну мне тут, елки-палки!»

— **Михаил Михайлович, как Вы относитесь к тому, что раньше называлось ненормативной лексикой, которая, по-моему, таковой уже перестала быть. И экспериментировали ли Вы когда-нибудь с намеренно неправильной орфографией?**

— Да, я все время экспериментирую с намеренно неправильной орфографией, все время пытаюсь так писать. Ненормативная лексика у хороших писателей меня раздражает. Но я уже к ней привыкаю, как все мы. Ну, привыкаю. Я привык к попсе, к телевидению, к катастрофам, к крови. Лично мне надоело протестовать, возражать, искать смысл, во-первых, в происходящем, во-вторых, в стихах, в-третьих, в песнях. О чем поют? «Хали-гали, гипер-пупер, нам с тобою было супер!». Я пытался найти смысл, но со временем избавился от этой привычки: уже не ищу. Также избавился от привычки вздрагивать от мата, когда его слышу. Как-то после «Юморины» в Одессе, где участвовали и ребята из «Аншлага», наслушавшись всего того, что там происходило, пришел домой и написал матом так, что, думаю, я превзошел все, что сам писал до сих пор и, может быть, то, что писал в этом ключе Пушкин, и то, что писал Катков. Крепко и очень хорошо написано. Когда я пару раз прочитал это в мужском кругу — все были в восторге. А один наш литературовед, настоящий знаток, сказал: «Небоскреб», — и добавил к этому определению довольно витиеватое словосочетание, но

меня все равно не перешеголял. Не торопитесь со следующим вопросом.

— **Это будет где-нибудь опубликовано?**

— Я же просил — не торопитесь. Если это и будет опубликовано, то в газете «Известия», и обязательно на первой полосе. Ни на что другое я не соглашусь. Это потому, что я, действительно, создал шедевр. Еще чуть-чуть, и я это уже смогу и сам читать. Я же в одесском порту, где главным языком был мат, проработал 10 лет. Это же не могло пройти мимо. Грузчики почти все имели отсидку, я же был из другой семьи. Они так и говорили: «Михалыч, если бы ты сидел, вот такой мужик был бы!». Потом, на каких только скамейках я не валялся в молодости, что только я не произносил и мне не произносили! Все это, оказывается, отпечаталось, никуда не делось. И бо-

роться с этим я уже устал, поэтому буду произносить.

— **Говорят, юмористы — это люди, для которых нет ничего святого. А для Вас есть какая-нибудь запретная тема, затронуть которую бы Вы не решились?**

— Конечно, старость — для меня тема, которую я не могу затронуть. Старость, немощность, инвалидность. Не могу я это затронуть. Не дети, а старики — наше будущее. Вот куда мы идем. Я их жалею. Значит, не могу смеяться над тем, что жалею. Конечно, старушка, которая упала возле Большого театра, разлил кефир, подняла настроение очень многим, но мне ее жалко. Современный журналист, думая о публике, должен сообщить общественности, как старушка рухнула, для того, чтобы поднять многим людям настроение. А мне саму ста-

«А ну мне тут, елки-палки!»

На снимке:
М.Захаров,
З.Гердт,
М.Жванецкий
и А.Битов

рушку тоже жалко: ей же никто не помогает в это время, пока описывают этот случай. Все стоят с фотоаппаратами, все снимают на пленку, все записывают ощущения свои, а поднять старушку тоже хотелось бы.

— **Вы позволите себе когда-нибудь шутить над Богом, над церковью?**

— Я позволяю себе. На предстоящем концерте я, наверное, прочту о загробной жизни.

— **А в Бога верите?**

— Может быть, не так глубоко, но верую. Я все время что-то тихо о чем-то прошу, тихо за что-то благодарю. Но я считаю, что я это делаю сам и не предлагаю никому под-

ражать, никогда не захожу в храм, чтобы сделать это профессионально.

— **Скажите, пожалуйста, какие телевизионные передачи вызывают у Вас интерес?**

— Ну, вот сейчас вызывают дикий интерес, конечно, предвыборные дебаты. Это снова больно ранит, но это наша общая жизнь. Сидит интеллигентный человек с цифрами в руках, а рядом тот, кто в ответ на эти цифры говорит: «Когда будете отваливать? Когда будем сажать Чубайса? Когда будем...» Кто побеждает? Тот, кто без цифр и без бумаг; тот, кто не собирается возражать по существу, — он побеждает. Поэтому мне это очень интересно. Это самое острое, что сейчас происходит на телевидении. Взамен всяких пустых ток-шоу появилась настоящая жизнь: с агрессией, с кровью, со злобой в

глазах. Люди перестали прятаться. А может быть, это риторика — я еще не разобрался.

— **В связи с конфликтом на косе Тузла Винницкий химагропром выпустил стиральный порошок под таким названием. Этим самым он рассчитывает поднять патриотический дух в незалежной Украине. Как Вы можете прокомментировать это событие? И какие, по-Вашему, меры нужно принять российской стороне, чтобы поднять дух строителей этой дамбы?**

— Ну, надо, наверное, что-нибудь пачкающее выпустить, тоже под названием «Тузла». Хотя, как мне кажется, Винницкий химагропром сделал это все-таки с юмором. И я надеюсь, что на этом все и закончится. Это тот случай, когда все хотят потянуть резину перед тем, как окончательно договориться. Потянуть резину в том смысле, чтобы выборы подогреть. Украина свезет туда 2-3 своих поломанных катера, пробарражирует, пробороздит, вертолеты прилетят, если не рухнут. Наши тоже пару раз там с погонами и с лампасами выскочат. Кто-то скажет из тех, кто готовится в депутаты: «Ни пяди, ни врагу, ни другу», — ну, тут нужен акцент обязательно грубый, жлобский такой: «Ни другу, ни врагу, ни пяди не отдадим». И вот на этой ни «пяди» можно получить дополнительные голоса. Значит, все мы сразу подтягиваемся, забываем, кто не жрал, кто не спал и, еще толком не разобравшись в этом конфликте, уже чувствуем, что надо собраться всем вместе. Как пацаны, когда «наших» бьют... Я тут слышал: «Драться хочешь?» — говорит один. «Очень хочу». «Тогда побежали к станции метро». Какая там драка, по поводу чего — неизвестно. Но такой возраст. «Побежали, там все, потом разберемся». Так и эти: побежали туда, на Тузлу, потом разберемся. Я не сомневаюсь, что, конечно, эта проблема будет разрешена. Потому что иначе тогда две страны из дураков состоят. Но я в это не верю.

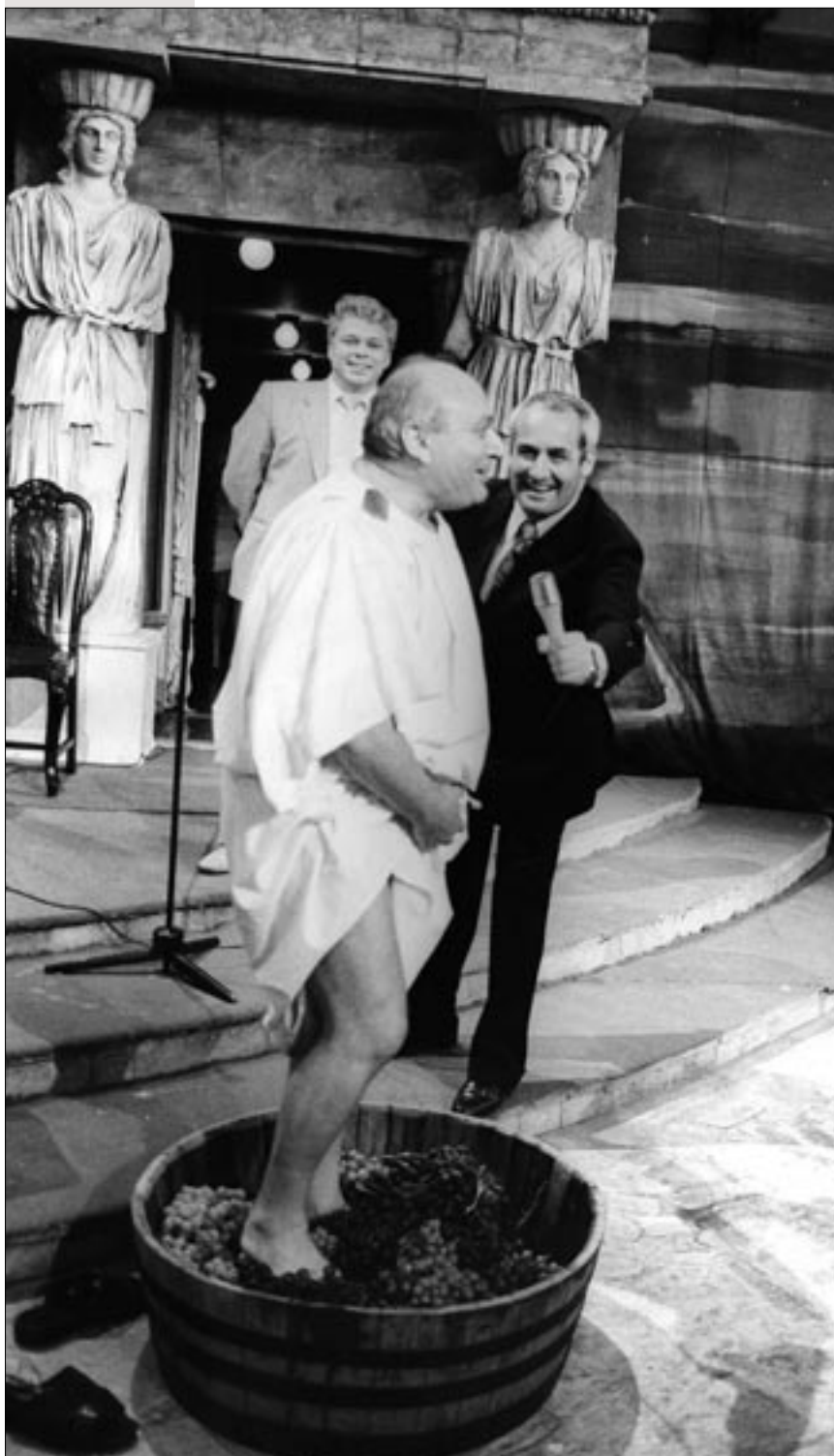
— **Вы считаете, что это все искусственно нагнетается?**

— Ну, какое там «искусственно», если с одной стороны самосвалы дамбу насыпают, с другой стороны земснаряд это все вырывает. Вечная работа, вечный двигатель, так называемый перпетуум мобиле: эти насыпают — эти вырывают. Можно снять бесконечную комедию. Море всегда размывает берег, и дамба, наверное, нужна. Но тут с одной стороны ребятки очухались: выборы на носу, надо отстаивать, с другой — тоже кулаки чешутся.

— **Сейчас очень многие известные люди стремятся войти в ту или иную политическую партию. Вы как-то сумели счастливо избежать такой возможности. Это жизненная позиция, или ...**

— Нет-нет, позиция жизненная. В начале 90-х годов я получил предложение

Ну, чем не Дионис — бог виноградарства и виноделия

баллотироваться от партии «Демократический выбор России». Но, несмотря на то, что эта партия была мне симпатична, я отказался. Я не могу выносить оскорблений. Да, я считаю, что в политической жизни, если не ты кого-нибудь замочишь, то кто-то на тебя наступит. У меня не хватает силы воли, не могу держать удар, не могу выносить ложь. Сам из последних сил стараюсь не врать. Поэтому я политикой не занимаюсь, а занимаюсь только тем, что умею.

— **Михаил Михайлович, как бы Вы охарактеризовали такое понятие, как «гражданское общество»? В каком состоянии оно сейчас находится в России?**

— Я не знаю сам, что имеется в виду под гражданским обществом. Видимо, это — общественное мнение, которое возникает или не возникает. Наша главная беда заключается в том, что мы все время кого-то ненавидим: ненавидим друг друга, летчики — пехоту, пехота — артиллерию, ФСБ — милицию, МВД. Мы ненавидим милицию и бандитов. А мне хочется, чтобы этой ненависти было поменьше. Почему люди уезжали из страны? Не из-за голодухи, не из-за плохих жилищных условий, а в основном из-за хамства, из-за унижения. Человек может перенести голод, лагерь, концлагерь, но не может перенести унижения. Тут он готов сам покончить с собой или с кем-то. Почему пьяный человек, отделившись от стены в каком-нибудь подземном переходе, унижает вас? Почему в нашей стране постоянно сталкиваешься с нечто подобным? Я привык здесь жить, никого не унижая, и стараюсь дать понять, что унижение — самый страшный продукт в наших отношениях, продукт отсутствия общественного мнения, когда всю накопившуюся ненависть мы тратим друг на друга. Поэтому мы и злорадуем, когда кого-то сажают. Ну, к счастью, радость оказалась не такой уж большой. Мне тоже это все не очень приятно. Мне неприятно видеть эти проносы машин с синими огнями, эти крики «Разойдись!», эти огромные дикие деньги, которые свалились на олигархов, благодаря нашим же с вами природным недрам. Но их можно дуть налогами, деньгами. Зачем же вот так — руки за спину и вперед. Ну, понятно, что следующим будет кто-то другой. Поэтому мне хочется сказать: будьте внимательны, потому что эта жизнь может быстро закончиться. А я прекрасно помню, какова она была раньше. А то мы войдем в магазин «Сыр», а там ничего не будет — и это все может начаться буквально сегодня. Как-то посадили директора одного из московских магазинов «Океан» — в Одессе исчезла рыба. А что случилось? Просто посадили одного человека. Нам сейчас надо паниковать — и больше ничего. Паникеры долго и счастливо живут. Те же, которые спокойны, говорят: «Ребята, ничего не будет, успокойтесь», но они, к сожалению, рано заканчивают в какой-нибудь больнице.

— **А какая-то прелесть есть в возрасте мужчины, когда ему за 50?**

— Огромная. Говорю совершенно серьезно. Я когда слушаю, к примеру, «Фабрику звезд» — так радуюсь, что вышел из того возраста. Ну, серьезно. Так рад, что я не там, что черт с ней, с этой молодостью, думаю я, дебилом же я не хочу быть. Ну, пусть я не буду таким шустрим, пусть на лыжах с горы не скачусь, пусть не возьму высоту 2.20 — но я хоть что-то соображаю. Ну, нельзя же, ребятки, поднимать на щит тех, кто ничего не соображает — ну, нельзя. Я рад, что попал в тот возраст, где я могу соображать и сообщать об этом тому, кто это может оценить. Я, наконец, успокоился, перестал суетиться и наслаждаюсь своим возрастом. Может, это и есть счастье?

— **Как сохранить здоровье? Есть ли у Вас какие-то рецепты для наших читателей?**

— Как я уже и говорил: надо паниковать все время и в то же время быть оптимистичным. И паниковать: что-нибудь заболело — паниковать надо, не оставлять это в покое, жене зудеть, детям своим зудеть: «Вот видишь, у меня нога болит? Вот ты посмотри, как у меня покраснело здесь». Всем надо зудеть, всем показывать коленку свою, и кто-то чем-то поможет. Вас либо вытолкнут все-таки к врачу, либо кто-то скажет: «Я знаю, что это такое, я читал где-то», — и это поможет. А наша привычка молча переносить все на ногах и, невзирая на инфаркт, докрашивать забор — это скверная привычка.

— **Михаил Михайлович, какой из Вас получился сын? За что Вас наказывали? И какой из Вас получился отец? За что Вы наказываете?**

— Сын из меня получился, в конце концов, хороший. Сыновья, видимо, всегда получаются хорошими в конце родительской жизни. Но на это много времени уходит. Именно сыновья. Дочери, говорят, лучше получаются. Но у меня пока сыновья идут. Я как сын был в конце ничего. Вначале, конечно, раздражал. Время было другое: слишком много зависело от отметок, жизнь сама зависела от отметок, попадание в институт зависело от отметок, другого пути просто не было. Сейчас — не знаю как.

Мой сын учится пока средне, но я его не наказываю. Вот только если начнет врать. Понимаете, когда дело касается треугольника — мама, девушка и ты, получается следующее: если ты вылезешь между ними либо со стороны девушки, либо со стороны мамы — тут же начинаешь врать. Вот ложь не выношу. Если этот треугольник — мама, я и девушка — окажется правдивым у моего сына — будет хорошо. Главное, чтобы не врал.

— **Многие актеры любят своих детей на сцену выводить...**

— Нет-нет, не получится. Не вывожу, и не фотографируемся. И журналы всякие, в том числе и «Семь дней», просили на обложки сняться. Я отвечал: «Нет-нет, мы не можем». Не могу, я просто суеверный человек. Да и моя жена абсолютно справедливо этого не хочет, она не желает. Что же я буду подставлять? И что мы там сфотографируем? Она — молодая и красивая, а я — одутловатый такой, лысый. Не хочу. Жить рядом хочу, а видеть себя на обложках, и чтобы каждый щупал и каждый обсуж-

«Для меня абсолютный гений — Вячеслав Полунин. Всегда и навсегда»

дал, что он видит, – не хочу. Это, действительно, мое дело. Это я хочу сохранить за собой.

— **Михаил Михайлович, а есть ли у Вашего сына Мити чувство юмора? И, на Ваш взгляд, передается ли оно по наследству?**

— Передается. Это даже не чувство юмора, а способ мышления, когда я говорю, не осознавая что-то, и вы смеетесь. Один хороший театральный режиссер говорил мне: «Только вы начинаете читать, я начинаю смеяться – просто потому, что у вас такое мышление!», а Белла Ахатовна Ахмадулина добавила: «Миша, что мне в тебе нравится – так это непреднамеренный юмор». Это я сыну, наверное, уже передал. Я еще подумаю над формулировкой. Я сам не знаю, как это происходит.

— **Когда Вы вспоминаете о детстве, что вспоминается в первую очередь?**

— О детстве? Война пришлось на мое детство: бомбежки, вагоны, потом пошли драки. Ну, что такое война? Война – это оскорбление, унижение, обвинение в том, что у одного отец на фронте, а у другого сидит в тылу. Затем эвакуация с мамой, возвращение обратно. Ничего веселого. И после войны еще долго было тяжело. Самое большое счастье – съездить что-нибудь. Съезд – счастлив, не съезд – несчастлив. Глядя на нынешнее изобилие, я думаю, если события будут развиваться так и дальше, то мы сегодняшний день будем вспоминать как самый светлый: когда мы могли зайти в магазин и если не купить, то увидеть. Поэтому раньше совершенно было дико, когда заходишь в магазин с надписью «Сыр», а там люди договариваются о билетах на железнодорожные поезда. Поэтому, когда мы начинаем хорошо жить, надо все время действовать настороженно. Когда

мы начинаем радоваться, надо все время оглядываться. Расслабляться нельзя. Подходить к границам государства и прислушиваться: не прекратились ли поставки снабжения? Грузовики с товарами идут еще или шум моторов затих?..

— **Главное качество, которому научили Вас родители и которое Вы бы хотели передать своему сыну?**

— Моя мама, как я понимаю, четко знала, что такое хорошо, а что плохо. Это такая редкость. Вот и хотелось бы передать это своему сыну. Понимаю, звучит очень банально, уныло, скучно. Но оттого, что мы этого не знаем, часто путаем все на свете. А когда путаем – то выходим на улицу, обвешанные гранатами, сажаем невинных людей и т. д.

— **Какую из своих детских шалостей Вы сейчас можете вспомнить?**

— Что-то связанное с чернилами. Кажется, во время праздничного обеда влил чернила в очень дорогой тогда куриный бульон. Это было что-то страшное, ведь на дворе стоял 45-й или 46-й год, и такой бульон считался дефицитным.

— **Скоро у нас Новый год наступит...**

— У нас тоже (улыбается). Вы знаете, у меня был довольно нелегкий период, эдак лет 5-6 назад, когда я просто не понимал, о чем писать, не понимал жизнь, утратил сатирическую направленность. Юмористическая осталась, а сатирической – как не бывало. Мне слишком нравилась жизнь, а не власть, как, кстати, многие из вас, журналистов, посчитали. Мне не нравилась власть. Кроме того, что я не волен сказать, что мне нравится. Потому что это не мне нравится – не нравится, а тому, кто пишет за меня. Я сам смотрю с удивлением на то, что выходит из-под моего пера. Вот выходит что-то сатирическое – значит, что-то мне не

нравится. Это работает организм, это что-то другое работает, не я. Я сам плохо это сознаю. Но пошли сатирические произведения, так как жизнь сейчас становится морально плохо переносимой. Что-то происходит. Мне не нравится то, что происходит сейчас с моей и с нашей общей жизнью. А лет пять назад – нравилось, я как-то успокоился. И тут на помощь пришла моя жена, она просто добавила жизни к тому, что происходило со мной. Она очень быстро вошла в эту жизнь, в мою работу, приходила с наблюдениями, умозаключениями, с какими-то цитатами, которые мне годились. Потому что мне сейчас очень трудно самому пойти, скажем, на одесский Привоз: меня там узнают, перестают разговаривать по-человечески; начинается: «Миша, Миша!». А чтоб что-нибудь интересное тебе кто-то сказал – до этого не доходит, и я перестаю получать жемчужинки впечатлений, которые всегда рассыпаны перед тобой, когда ходишь свободно. Приходится пользоваться своими старыми запасами. В Москве ведь базары бесцветные. Здесь собирается вся страна, и нет местного колорита. А в Одессе ты можешь спросить: «Как пройти к вокзалу?», и тебе ответят: «Идите так, как я сижу». Ну, это имеется в виду, видимо: иди по направлению моего взгляда, в ту сторону, куда я сижу лицом. Так что в последнее время я почувствовал, что жизнь снова для меня.

В своих произведениях Михаил Михайлович зовет нас к размышлениям, уровень же этих размышлений зависит уже от нас самих. Закончу словами Жванецкого: «Как кому, а мне нравится думать!» Вот и давайте задумаемся. Вместе с ним и каждый по отдельности. Тем более есть над чем.

Классика озвучивал Анатолий МАЛЮГИН

